

Загадка лавандовой библиотеки

Андрей Конт

Андрей Конт

Загадка Лавандовой Библиотеки

«Автор»

2026

Конт А.

Загадка Лавандовой Библиотеки / А. Конт — «Автор», 2026

Когда Анна Морозова, москвичка и искусный книжный реставратор, получает в наследство библиотеку-кафе "Лавандовая страница" в уютном городке Цветочный, надеется найти мир и покой, вдали от стресса и суеты мегаполиса. Однако вскоре она узнает, что это место хранит не только редкие книги и аромат свежей выпечки, но и древние секреты. Перебирая тома, Анна натывается на загадочные зашифрованные записки, хранившиеся с 1950-х годов. Они указывают на местонахождение коллекции редких икон, пропавших во время войны. Не успевает Анна погрузиться в разгадки, как в Цветочном начинают происходить странные события: местный краевед Семён Петрович исчезает после того, как она показала ему свои находки, а в библиотеке начинают происходить таинственные случаи — книги переставляются, появляются загадочные метки. Вместе с Машей, весёлой кондитершей и лучшей подругой, интуитивным рыжим котом Барсиком и обаятельным молодым учителем истории Егором, Анна начинает расследование...

© Конт А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Конт

Загадка Лавандовой Библиотеки

ГЛАВА 1

Наследство тёти Веры

Старая «Лада» Анны Морозовой тряслась на каждой яме дороги, словно пытаясь отговорить её от этого безумного решения. Пятьсот километров пройдено, впереди – поворот на Цветочное. Анна сбросила скорость, глядя в выплывший указатель: «Цветочное – 12 км».

Двенадцать километров до прошлого.

Она опустила стекло. В салон влетел тёплый майский воздух, напоенный запахом разогретого асфальта, полевых трав и чем-то сладким – вероятно, зацвели яблоневые деревья. Анна на мгновение закрыла глаза, позволяя аромату перенести её на два десятка лет назад, когда, будучи десятилетней девочкой с косичками, она впервые приехала сюда на летние каникулы к тёте Вере.

– Я думала, ты забыла дорогу сюда, – тихо проговорила она сама себе.

Телефон на приборной панели завибрировал. Анна взглянула на экран – Марина, её напарница по реставрационной мастерской.

– Ань, ты где? – раздался встревоженный голос. – Заказчик звонил в третий раз! Ему срочно нужна оценка для той иконы XVIII века.

– Скажи, что я вернусь через неделю, – ответила Анна, чувствуя, как желудок сжимается от привычной тревоги. – Максимум через десять дней.

– Неделю?! Аня, ты понимаешь, что он уйдёт к конкурентам? Это же триста тысяч гонорара!

– Понимаю.

Пауза. Затем вздох:

– Это из-за твоей тёти, да? Слушай, мне искренне жаль, но...

– Мне тоже жаль, Мар. Но я должна это сделать. Мы же об этом говорили.

– Обсуждали съездить на похороны! А не уехать в глушь непонятно на сколько!

Анна замолчала. Они действительно обсуждали только похороны. О завещании она узнала спустя неделю, когда нотариус наконец-то свистнул. Месяц. Целый месяц вдали от Москвы, от постоянных забот, от мастерской.

– Хитрая ты, тётя, – подумала Анна. – Знала, что я не смогу просто взять и продать. Заставила остаться.

Дорога ей уже была знакома. Асфальт закончился через километр, уступив укатанному грунту. По обочинам мелькали деревянные дома с резными наличниками – кто-то покрасил в весёлые голубые и жёлтые оттенки, кто-то потерял краску, обветшал от времени. Палисадники утопали в сирени и пионах. На одном заборе сушилось разноцветное бельё, на другом дремал полосатый кот, даже не обратил внимания на машину.

Анна притормозила, взглянув на дома. Вот этот, жёлтый с зелёными наличниками – здесь жила Лидия Петровна, учительница математики. Она пекла удивительные пироги с капустой и всегда угощала приезжих детей. Дальше, за поворотом – дом Коли-почтальона, который держал трёх такс и разносил письма на велосипеде.

– Боже, – выдохнула Анна, останавливая машину.

Дом на берегу исчез. Вместо аккуратной голубой избы с кружевными наличниками стоял новый коттедж – красный кирпич, пластиковые окна, высокий забор из профнастила. Чужой. Безликий.

«Всё меняется, – напомнила себе Анна. – Нельзя ожидать, что время здесь остановилось».

Но ожидала. В глубине души она надеялась, что Цветочное осталось тем самым тихим городком из детских воспоминаний, где никто не спешит, где все друг друга знают, где можно оставить дверь незапертой.

Она тронулась дальше. Грунтовка вывела на центральную улицу – асфальт здесь снова появлялся, правда, весь в латках и трещинах. Анна остановилась у центральной площади. Скорее, у того, что местные жители с охотой называли площадью – небольшого пятачка с облезлым памятником Ленину, двумя скамейками и чахлой клумбой, где героически выживали бархатцы.

Зато за площадью открывался вид на Волгу – широкую, спокойную, сверкающую под полуденным солнцем, как расплавленное серебро. Анна вышла из машины, потянулась, разминая затёкшую спину. Восемь часов за рулём давали о себе знать. Она подошла к ограждению набережной – простым металлическим перилам, покрашенным в синий цвет, – и замерла.

Река. Как же она скучала по этой реке.

В Москве была Москва-река – грязноватая, зажата между набережными, вечно заполненная прогулочными теплоходами. Здесь же Волга дышала. Катилась своим вечным течением, неспешно, величественно. На противоположном берегу темнел лес, а справа, на невысоком холме, виднелась белая колокольня старой церкви. Теперь там музей – тётя Вера писала об этом в одном из последних писем.

Анна сглотнула комок в горле. Последнее письмо пришло в январе. Тётя жаловалась на сырость и артрит, но писала бодро, с юмором: «Старею, Анечка. Книги теперь кажутся тяжелее, а лестница в мансарду – круче Эвереста. Но библиотека работает! Вчера пришли пятеро

школьников – просили почитать Гарри Поттера. Представляешь? В наше время дети читают! Чудо, а не поколение».

В марте тёти не стало. Сердце. Быстро, без мучений – как она и хотела. Анна узнала через три дня, когда позвонил нотариус. Похороны уже прошли – городок маленький, тянуть было некуда. Анна не успела. Даже проститься не успела.

– Прости, тётя Вера, – тихо сказала она реке. – Я... я должна была приезжать чаще. Звонить чаще. Я...

– Вы не местная, верно? – раздалось сбоку.

Анна вздрогнула, обернулась. Рядом стояла женщина лет семидесяти, в выцветшем сиреновом платье и платке. Лицо доброе, морщинистое, глаза внимательные.

– Н-нет... то есть да... в смысле, я... – Анна запнулась, смахивая предательскую слезу. – Я раньше здесь бывала. Давно.

– А-а-а, – протянула женщина, и в её голосе прозвучало понимание. – Вы, часом, не племянница Веры Павловны?

– Я... да. Откуда вы...?

– Так весь город знает, – женщина улыбнулась. – Вера Павловна всё про вас рассказывала. Анечка в Москве, Анечка реставратор, Анечка по телевизору выступала. Гордилась очень. – Она помолчала, потом добавила мягче: – Царствие ей небесное. Хороший человек была.

– Спасибо, – Анна вытерла глаза. – Простите, я...

– Да что вы, что вы, – женщина сочувственно покачала головой. – Плакать – это правильно. Это любовь выходит. Вы в библиотеку теперь?

– Да. К нотариусу сначала, потом в библиотеку.

– Ну и правильно. А то там Барсик совсем с ума сошёл, бедолага. Мы его кормили, конечно – я и Галя Петрова по очереди приходили. Но он всё равно места себе не находит, мяукает. Скучает по хозяйке.

– Вы... вы ухаживали за библиотекой? – растроганно спросила Анна.

– Да уж. Вытирали пыль, проветривали. Не могли же мы бросить. Вера Павловна для города много сделала. Библиотека эта – душа Цветочного, считай. – Женщина внимательно посмотрела на Анну. – Вы надолго приехали?

– На месяц. Может, больше. Пока не решу, что делать с... с наследством.

– Ясно, – женщина кивнула. – Ну, вы не торопитесь с решениями. Город наш тихий, неспешный. Здесь думать хорошо. – Она похлопала Анну по плечу. – Я Антонина Фёдоровна. Если что понадобится – спрашивайте кого угодно, все меня знают.

– Спасибо. Я Анна.

– Знаю, милая. Всё знаю, – Антонина Фёдоровна улыбнулась и пошла дальше по набережной, медленно, опираясь на палочку.

Анна смотрела ей вслед. Значит, весь город в курсе. Ну конечно. В таких местах новости разлетаются быстрее интернета.

Телефон завибрировал снова. Анна глянула – рабочий чат мастерской. Двадцать три непрочитанных сообщения. Она вздохнула, сунула телефон в карман. Потом. Сейчас нужно разобраться с наследством.

Контора нотариуса Виктора Семёновича Савельева располагалась в двухэтажном кирпичном здании рядом с почтой. Анна припарковалась, поправила волосы, собранные в небрежный пучок. На крыльце конторы сидели две пожилые женщины в цветастых платьях и обсуждали что-то с жаром.

– ...а я говорю Нюре: продаст она всё москвичам, вот увидишь! Им что до нашей библиотеки? Сделают там бар какой-нибудь модный...

– Да ну, Галь, какой бар в библиотеке? Скорее хостел для туристов. Сейчас все такие делают.

– Хостел – это ещё хуже! Понаедут всякие, музыку орать будут, мусорить...

– Может, и не продаст. Вера Павловна говорила, что Аня у неё умница. Книги любит.

– Любить книги и жить в Цветочном – разные вещи, Люд.

Анна поравнялась с ними, и разговор мгновенно оборвался. Две пары любопытных глаз уставились на неё. Одна из женщин – та, что помоложе, лет шестидесяти – покраснела.

– Добрый день, – вежливо поздоровалась Анна, стараясь не выдать, что слышала разговор.

– Здравствуйте, здравствуйте, – закивали обе, провожая её взглядами до самой двери.

Когда дверь закрылась, Анна услышала приглушённый возглас:

– Галь, это же она!

– Я знаю! Господи, какой позор...

Анна усмехнулась. Да уж, приватность – не про маленькие города.

Внутри пахло бумагой, пылью и дешёвым освежителем воздуха с ароматом «Альпийские луга». В приёмной за компьютером сидела девушка лет двадцати пяти, красила ногти ярким розовым лаком.

– Вы к Виктору Семёновичу? – спросила она, не отрываясь от маникюра.

– Да. Морозова Анна Андреевна, я договаривалась...

– А, точно! Проходите, он вас ждёт. Вон та дверь.

За массивным дубовым столом сидел мужчина лет шестидесяти, с аккуратно подстриженной седой бородкой и очками в тонкой оправе. Костюм-тройка, белая рубашка, галстук – слишком официально для провинциального городка. На стене висел диплом Московского юридического института, датированный 1987 годом.

– Анна Андреевна? – Он поднялся навстречу, протягивая руку. – Виктор Семёнович Савельев. Соболезную вашей утрате. Вера Павловна была замечательным человеком.

– Спасибо, – Анна пожала крепкую сухую ладонь и села в кожаное кресло напротив. – Да, она была... особенной.

– Особенной – мягко сказано, – усмехнулся нотариус, доставая из ящика стола пухлую папку с надписью «МОРОЗОВА В.П.». – Ваша тётушка держала в тонусе весь городок. То книжный клуб организует, то на администрацию жалобу строчит за разбитые дороги, то краеведческую конференцию устраивает. Помню, три года назад она заставила мэра выделить деньги на реставрацию памятника Пушкину на площади. Просто ходила к нему каждый день, пока он не сдался.

Анна невольно улыбнулась. Да, это было на тётю похоже. Вера Павловна была из тех людей, которые не умеют сидеть сложа руки. «Если не я, то кто?» – любила она повторять.

– Без неё тут теперь... – Виктор Семёнович махнул рукой. – Ну да ладно. Перейдём к делу. У меня ещё два приёма сегодня.

Он надел очки, раскрыл папку и начал монотонным голосом читать завещание:

– «Я, Морозова Вера Павловна, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, настоящим завещанием делаю следующее распоряжение: всё моё имущество, а именно...»

Анна слушала вполуха, глядя в окно. За стеклом проехал велосипедист с корзиной, в которой лежали свежие огурцы. Прошла мама с коляской. Пролетела ворона, громко каркая.

– ...долю в жилом доме по адресу улица Садовая, дом 7, долю в здании библиотеки-кафе по адресу улица Пушкина, дом 12, книжный фонд в количестве приблизительно четыре тысячи экземпляров, мебель, оборудование кафе, расчётный счёт в ПАО «Сбербанк» с остатком восемьдесят три тысячи рублей...

– Стойте, – перебила Анна. – То есть, тётя оставила мне всё? Дом, библиотеку, само здание?

– Да, – кивнул нотариус. – Здание библиотеки полностью в собственности. С домом чуть сложнее – там была долевая собственность с её сестрой, вашей бабушкой Марией Павловной,

но после её смерти доля перешла Вере Павловне. Теперь – вам. Налоги уплачены, задолженностей нет. Всё чисто.

Анна откинулась на спинку кресла. Она ожидала получить что-то символическое – несколько книг на память, может, немного денег. Но целое здание?

– Это... это слишком, – пробормотала она.

– Вера Павловна считала иначе, – Виктор Семёнович снял очки, протер их платком. – Она очень тщательно всё продумала. Последний раз мы встречались в декабре, когда она вносила правки в завещание. Сказала: «Витя, я должна быть уверена, что библиотека попадёт в правильные руки». Я спросил: «А если Анна не захочет её вести?» Она ответила: «Захочет. Просто ещё не знает об этом».

Анна почувствовала, как сжимается горло. Вера Павловна всегда умела видеть в людях то, чего они сами в себе не замечали.

– Но есть одно условие, – продолжил нотариус, и его голос стал серьёзнее.

– Какое?

– Вера Павловна просила, чтобы вы прожили в Цветочном минимум месяц и в течение этого месяца лично вели библиотеку. Открывали её для посетителей, работали с читателями, поддерживали работу кафе. Не обязательно самой стоять за кофемашиной – можете нанять кого-то. Но вы должны быть там, присутствовать, отвечать за всё. Если вы откажетесь или уедете раньше срока, наследство переходит в муниципальную собственность города Цветочное.

– Месяц?! – Анна выпрямилась. – Но у меня работа в Москве! Проекты, контракты, заказчики! Я не могу просто взять и исчезнуть на месяц!

– Вера Павловна была уверена, что вы справитесь, – мягко сказал Виктор Семёнович. – Она говорила: «Анечка умная, найдёт способ. У неё есть напарница – Марина, кажется? Вдвоём они мастерскую потянут».

Анна с изумлением уставилась на нотариуса:

– Она... она знала про Марину?

– Вера Павловна знала про вас всё, – улыбнулся он. – Следила за вашими соцсетями, читала все ваши интервью в профильных журналах. У меня даже было задание распечатать вашу статью про реставрацию икон XVII века – она хотела показать её местному краеведу. Гордилась вами невероятно.

Анна отвернулась к окну, моргая. Тётя следила. Гордилась. А она... она звонила раз в два месяца, на праздники, между делом. «Как дела, тётя? Хорошо? Отлично, у меня дедлайн, потом перезвоню». И не перезванивала.

– Я... я была плохой племянницей, – тихо сказала она.

– Вы были занятым человеком, – возразил Виктор Семёнович. – Вера Павловна понимала. Она не держала обиды. Наоборот – хотела, чтобы вы преуспели, нашли своё место. Но теперь... – он положил руки на стол, – теперь она просит ответную услугу. Месяц. Всего один месяц вашей жизни, чтобы понять, нужна ли вам эта библиотека. Нужно ли вам это место.

– А если через месяц я решу продать?

– Ваше право. В завещании нет запрета на продажу. Только условие – прожить месяц и поработать в библиотеке. После этого вы вольны делать что угодно.

Анна молчала, обдумывая. Месяц. Тридцать дней. Сорок рабочих часов в неделю, умножить на четыре... Боже, сколько заказов она пропустит. Сколько клиентов уйдёт к конкурентам.

Но если она откажется – наследство уйдёт государству. Библиотеку, скорее всего, закроют или превратят в филиал районной библиотечной системы. Книги распродадут. Здание... неизвестно, что с ним сделают.

«Душа Цветочного», – сказала Антонина Фёдоровна.

– Вот ключи, – Виктор Семёнович положил на стол связку старинных ключей на медном кольце. – Два от библиотеки – парадный вход и чёрный ход. Три от дома на Садовой – входная дверь, калитка, сарай. И ещё вот это.

Он достал из конверта сложенный вчетверо лист бумаги. Анна развернула его – узнала угловатый почерк тёти Веры, написанный синими чернилами:

«Анечка, милая!

Если ты читаешь это, значит, меня уже нет. Не грусти, старушка прожила долгую и, смею надеяться, бесполезную жизнь. Столько книг прочитано, столько людей встречено, столько чая выпито! Если бы можно было прожить ещё раз – я бы не изменила ни единого дня.

Теперь моя очередь просить у тебя помощи.

Библиотека – это не просто книги и кофе для посетителей. Это сердце Цветочного, его память, его душа. Люди приходят сюда не только за чтением. Они приходят за утешением, за советом, за разговором, за тем, чтобы почувствовать: они не одни. Школьники готовятся к экзаменам, старушки обсуждают детективы Агаты Кристи, молодые мамы находят книги для своих малышей. Это место, где встречаются поколения.

Я знаю, твоя жизнь в Москве. Карьера, успех, большие проекты. Я горжусь тобой, Анечка. Но осмелюсь попросить: дай Цветочному шанс. Дай себе шанс. Один месяц. Открой библиотеку, послушай её тишину, поговори с людьми, которые придут. Посмотри на закаты над Волгой, прогуляйся по набережной, попробуй пироги Маши из «Медового колоса». Вдохни этот воздух – он пахнет иначе, чем в столице. Он пахнет домом.

И если через месяц ты решишь, что твоё место там, в Москве, в мастерской, среди икон и старинных книг, – я не обижусь. Продай всё, и пусть будет так. Я не имею права держать тебя.

Но я верю, Анечка. Верю, что ты останешься. Потому что ты – Морозова. А Морозовы умеют слышать то, что шепчут старые книги.

С любовью, твоя старая тётя Вера.

P.S. Присмотри за Барсиком. Он будет скучать. Корми два раза в день, и не верь, если будет изображать голодного бедолагу – он мастер манипуляций».

Анна сложила письмо, пряча внезапно увлажнившиеся глаза. Комок в горле не давал говорить. Она молча сидела, сжимая бумагу в руках, чувствуя, как слёзы всё-таки прорываются.

– Барсик – это кот, – негромко пояснил Виктор Семёнович, тактично отворачиваясь к окну. – Рыжий, толстый, наглый как танк. Живёт в библиотеке. Кормить два раза в день, корм в кладовке. Вера Павловна его обожала, хоть и ворчала, что он сбрасывает книги с полок.

– Кот, – эхом повторила Анна и вдруг рассмеялась сквозь слёзы. – Ну конечно. Тётя Вера всегда была стратегом. Как отказать коту?

Виктор Семёнович повернулся, улыбнулся:

– Вера Павловна вас хорошо знала. Лучше, чем вы думаете. – Он придвинул ближе папку с документами. – Вот свидетельство о праве на наследство, технические паспорта на здания, выписка из ЕГРН, договоры с поставщиками кофе и выпечки – кстати, с Машей Сорокиной из «Медового колоса» у вас контракт до конца года, она приносит свежую выпечку каждое утро. Вот контакты электрика, сантехника, бухгалтера. Да, бухгалтер – Ольга Степановна, она ведёт отчётность для библиотеки, приходит раз в неделю. Зарплату себе получает минимальную, больше из любви к делу. И вот...

Он достал ещё один конверт.

– Это Вера Павловна просила передать отдельно. Сказала: «Когда Аня решит остаться – отдай. Раньше не надо».

– Но я ещё не решила, – растерянно возразила Анна.

– Я знаю, – Виктор Семёнович протянул конверт. – Но у меня такое чувство, что Вера Павловна за вас уже решила.

Анна взяла конверт. Он был запечатан сургучной печатью – старинной, с вензелем «М». Морозовы. Их семейная печать, которой ещё прабабушка Анны запечатывала письма.

– Что внутри?

– Понятия не имею. Вера Павловна запечатала при мне, но содержимое не показывала. Сказала только: «Там история, которую Аня должна узнать».

Анна покрутила конверт в руках. Лёгкий, в нём что-то тонкое – бумага, может, фотография.

– Ладно, – выдохнула она, кладя конверт в сумку. – Я... я подумаю.

– Конечно. Не торопитесь. – Виктор Семёнович встал, протянул руку. – Если будут вопросы – звоните. Мой телефон в документах. И ещё... – он помолчал. – Добро пожаловать домой, Анна Андреевна.

Анна пожала руку, взяла ключи – они были тяжёлыми, тёплыми от её ладони – и вышла.

На крыльце те же две женщины. При виде Анны они замолчали, но теперь смотрели уже не с любопытством, а с осторожной надеждой.

– Так что? – не выдержала одна из них, та, что помоложе. – Остаётесь?

Анна остановилась, посмотрела на них.

– На месяц, – сказала она. – Пока на месяц.

– Ну и слава Богу! – облегчённо выдохнула вторая. – А то мы уж думали...

– Библиотеку не закроют? – перебила первая.

– Нет, – твёрдо ответила Анна. – Не закроют. По крайней мере, не сейчас.

Женщины переглянулись, и на их лицах появились улыбки – искренние, тёплые.

– Передайте от нас Барсику привет, – сказала та, что постарше. – Скажите, что Галя и Люда о нём помнят.

– Обязательно, – пообещала Анна.

Она села в машину, завела мотор. Руки слегка дрожали. Месяц. Она согласилась на месяц.

«Что я делаю? – думала она, выруливая с парковки. – Что я, чёрт возьми, делаю?»

Но в глубине души она уже знала ответ.

Библиотека-кафе «Лавандовая страница» находилась на тихой улице Пушкина, в пяти минутах ходьбы от центра. Анна медленно ехала по улице, разглядывая дома. Слева – продуктовый магазин «Ромашка», дальше – аптека, потом пустырь, где раньше стояла школа (её, видимо, снесли). Справа – жилые дома, палисадники, заборы.

И вот оно.

Одноэтажное деревянное здание с мансардой, выкрашенное в нежный лавандовый цвет – выцветший, но всё ещё узнаваемый. Белые резные наличники на окнах. Крыльцо с перилами. Над входом – вывеска ручной работы, которую когда-то давно нарисовала сама тётя Вера: изящные буквы «Лавандовая страница» и веточка лаванды. Краска облупилась, но надпись читалась.

На окнах – белые кружевные занавески, которые тётя Вера стирала каждый месяц. Рядом с крыльцом – клумба с лавандой, уже зацветающей, и розовым кустом.

Анна заглушила мотор и просто сидела, глядя на дом.

Сколько же лет прошло? Пятнадцать? Нет, семнадцать. Последний раз она была здесь в две тысячи девятом, когда только поступила в университет. Приезжала на недельку, помогала тёте с ремонтом. Они вместе красили стены, перебирали книги, смеялись над старыми фотографиями.

Потом была учёба, практика, дипломная работа. Потом – первая работа в музее, потом – открытие собственной мастерской с Мариной. Дела, дела, дела. «Приеду на майские, тётя». «Приеду на Новый год, обязательно». Но не приезжала.

«А тётя ждала», – снова укололо совестью.

Анна вышла из машины, достала из багажника рюкзак и сумку – больше она не брала, планируя остаться на пару дней максимум. Теперь придётся ещё съездить в Москву за вещами. Или заказать доставку.

Она поднялась на крыльцо. Доски заскрипели под ногами – знакомый, домашний звук, который она помнила с детства. Анна достала ключи, нашла нужный – старинный, латунный, с узором. Вставила в замок, повернула.

Дверь открылась с тихим вздохом, будто дом выдохнул – облегчённо или грустно, Анна не могла понять.

И её накрыло.

Запах старых книг – этот неповторимый аромат бумаги, типографской краски, кожаных переплётов и времени. К нему примешивался лёгкий запах лаванды – тётя Вера всегда раскладывала сушёные веточки между стеллажами, говорила, что это отпугивает книжных жучков и создаёт атмосферу. И ещё кофе – давний, въевшийся в стены, в мебель, в сами книги.

Анна сделала шаг внутрь, закрыла за собой дверь. Тишина. Полная, плотная тишина, какая бывает только в библиотеках и старых церквях.

Первая комната, которая служила кафе, была небольшой, но уютной. Шесть столиков с клетчатыми скатертями – синими и белыми. У стены – барная стойка из тёмного дерева с кофемашиной (неожиданно современной, Анна помнила старую турку), стеклянной витриной для выпечки и полкой с чашками. Чашки были разные – ни одна не повторялась. Тётя Вера собирала их годами, покупала на блошиных рынках, принимала в дар от посетителей.

На стенах – рамки с цитатами из книг. Анна прочитала ближайшую: «Книги – это зеркала: если туда заглядывает дурак, нельзя ожидать, что оттуда выглянет гений». Георг Лихтенберг.

Она усмехнулась. Типично для тёти.

Дальше – арка, ведущая в основной зал. Анна прошла туда и замерла.

Библиотека.

Стеллажи от пола до потолка, заполненные книгами. Сотни, тысячи корешков – разноцветных, потёртых, новых, старинных. Старые советские издания в коричневых тканевых переплётах соседствовали с современными бестселлерами в глянцевых обложках. Классика, детективы, фантастика, поэзия, мемуары, энциклопедии.

В центре зала – потёртый бархатный диван тёмно-зелёного цвета, два кресла с вязаными пледами и низкий журнальный столик. У окна – письменный стол тёти Веры, массивный, дубовый, с множеством ящичков. На столе – настольная лампа под зелёным абажуром, стопка бумаг, ручка в подставке в виде совы.

Свет лился из высоких окон, создавая мягкие прямоугольники на деревянном полу. Пылинки танцевали в лучах.

Анна медленно прошла вдоль стеллажей, проводя пальцами по корешкам. Чехов, Достоевский, Булгаков, Ахматова, Цветаева... Детективы Агаты Кристи на английском и в переводе. Приключения Жюль Верна в издании 1960-х. Фэнтези Толкина, Сапковского, Мартина. Любовные романы Джейн Остин. Научпоп Стивена Хокинга. Детские книги Носова, Линдгрэн, Роулинг.

Всё было на месте. Всё помнило прикосновения сотен рук, сотен читателей, которые приходили сюда за мечтой, за знанием, за утешением.

– Мяу.

Анна подпрыгнула, обернулась. На спинке дивана сидел огромный рыжий кот. Янтарные глаза внимательно изучали незваную гостью. Шерсть пушистая, ухоженная – видимо, Галя и Люда правда приходили заботиться. Хвост нервно подёргивался.

– Барсик? – осторожно спросила Анна, делая шаг ближе.

– Мр-р-р-яу, – недовольно подтвердил кот, и в этом звуке читалось: «А ты кто такая?»

– Понимаю. Ты скучаешь по ней – Анна медленно протянула руку, давая обнюхать. – Я Анна. Племянница Веры. Она... она просила меня о тебе позаботиться.

Барсик обнюхал пальцы, долго, тщательно. Потом подумал – Анна видела, как он обдумывает. Наконец кот неожиданно ткнулся головой в её ладонь, требовательно.

Анна осторожно почесала за ухом. Мех был невероятно мягким. Барсик прищурился, и через секунду комнату наполнило урчание – громкое, как мотор трактора.

– Спасибо, что принял меня, – тихо сказала Анна. – Обещаю, я постараюсь быть хорошей временной хозяйкой.

Барсик урчал ещё секунд тридцать, потом резко прыгнул с дивана. Прошёлся к дальней стене, где находился отдельный стеллаж с особенно старыми книгами – те самые, дореволюционные издания, которые тётя берегла как зеницу ока. Кот уселся, глядя на Анну выжидающе.

– Что? – не поняла она.

Барсик мяукнул громче, ткнул лапой в нижнюю полку.

– Там что-то есть?

Кот издал звук, похожий на вздох – мол, как же медленно соображаешь, человек.

Анна подошла, присела на корточки. Нижняя полка была забита толстыми томами в тёмных кожаных переплётах. Дореволюционные издания, насколько она могла разобрать. Барсик сидел рядом, не сводя с неё глаз, хвост обёрнут вокруг лап.

– Ты хочешь, чтобы я посмотрела эти книги? – спросила Анна, чувствуя себя немного глупо от разговора с котом.

– Мр-р-яу! – Барсик вдруг вскочил и лапой толкнул один из томов. Книга чуть выдвинулась вперёд, наклонилась.

Анна вытащила её. «Избранные рассказы А.П. Чехова. Издание Товарищества И.Д. Сытина, Москва, 1915 год». Тяжёлая, в кожаном переплёте с золотым тиснением, пахнущая временем и старой бумагой. Она осторожно открыла первую страницу – типографская краска слегка выцвела, но текст читался отчётливо. Форзац был украшен растительным орнаментом.

Внутри, на второй странице, стоял экслибрис: «Из библиотеки Морозовых». Родовая печать.

Анна провела пальцами по тиснению. Эта книга принадлежала её семье больше ста лет.

Барсик мяукнул ещё раз, уже тише, почти довольный, и ушёл в глубь библиотеки, виляя пушистым хвостом.

– Странный ты, Барсик, – покачала головой Анна.

Она полистала книгу. Страницы пожелтевшие, но целые. Пахли ванилью – так пахнет старая бумага. Между страниц 34 и 35 – там был рассказ «Дама с собачкой» – лежала закладка. Тонкая, из плотной бумаги.

Анна вытащила её. Нет, не закладка. Фотография. Чёрно-белая, выцветшая.

На снимке – пятеро людей. Мужчины и женщины, лет тридцати-сорока, одетые по моде 1950-х. Они стоят перед белокаменной церковью. Все серьёзные, торжественные. На обороте надпись угловатым почерком: «1952 год. Пять семей. Храним обет».

Пять семей?

Анна нахмурилась, вглядываясь в лица. Слева – высокий мужчина в костюме, рядом хрупкая женщина в тёмном платье. Дальше – пожилая пара. Справа – молодая женщина с младенцем на руках.

Никого она не узнала.

Какой обет? О чём речь?

Анна перевернула фотографию обратно, изучила церковь на заднем плане. Белокаменная, с колокольной... Похоже на ту самую церковь на холме, которую теперь превратили в музей.

Она сунула фотографию обратно в книгу, отметив страницу. Потом огляделась. Что ещё хотел показать ей Барсик?

Кот сидел теперь у окна, вылизывал лапу, демонстрируя полное безразличие.

Анна поставила книгу Чехова на журнальный столик – изучит позже. Сейчас нужно осмотреться, найти кладовку с кормом для кота, проверить, всё ли в порядке с водой и электричеством.

Она прошла в подсобку за библиотекой. Небольшая комнатка с окном во двор. Стеллажи с запасами – кофе в зёрнах, салфетки, моющие средства, запасные скатерти. В углу – мешок кошачьего корма «Purina», две миски (одна для еды, одна для воды), лоток с наполнителем.

Анна насыпала корм в миску – Барсик мгновенно материализовался рядом, будто телепортировался, и принялся деловито хрустеть.

– Хотя бы один из нас доволен, – пробормотала Анна.

Она налила воды, проверила лоток – чистый, кто-то убирал недавно. Галя и Люда, наверное.

«Надо будет их поблагодарить», – подумала Анна.

Дальше – узкая лестница наверх, в мансарду. Анна поднялась, держась за деревянные перила. Наверху была жилая комната тёти Веры – небольшая, но светлая. Кровать под самым скатом крыши, старый платяной шкаф, комод, кресло-качалка у окна. На подоконнике – горшки с геранью, ещё живой. На стене – фотографии в рамках.

Анна подошла ближе. Вот тётя Вера в молодости, лет двадцати, с книгой в руках. Вот она на фоне библиотеки – вывеска ещё новая, краска яркая. Вот группа людей – книжный клуб, наверное. И вот...

Анна замерла.

Фотография Анны. Ей лет тринадцать, она сидит на крыльце библиотеки, рядом – тётя Вера. Обе улыбаются. Лето, солнце, счастье.

Анна не помнила этот снимок. Кто-то фотографировал? Или тётя попросила?

Рядом – ещё одна фотография. Анна взрослая, лет двадцать пять. Профессиональный снимок – из интервью для журнала «Мир искусства». Она стоит в своей мастерской, держит в руках старинную икону.

Тётя Вера распечатала её. Вставила в рамку. Повесила на стену.

Анна сглотнула комок в горле. Не реветь. Только не реветь сейчас.

Она вернулась вниз, в библиотеку. Села в кресло у окна – то самое, где, наверное, тётя проводила вечера. За стеклом – тихая улица, яблони в цвету, где-то вдалеке смеялись дети, играя в мяч. Солнце клонилось к закату, окрашивая всё в мягкий золотистый свет. Пыль в воздухе сверкала, как микроскопические звёзды.

Анна закрыла глаза. Москва казалась сейчас такой далёкой – с её пробками, дедлайнами, бешеным ритмом, звонками клиентов, требованиями, стрессом. Там она всегда куда-то спешила, всегда что-то не успевала, всегда была на грани выгорания.

Здесь время текло по-другому. Медленнее. Глубже. Тише.

Барсик, закончив трапезу, запрыгнул к ней на колени, свернулся тяжёлым тёплым клубком и заурчал. Анна погладила рыжую шерсть, чувствуя, как мурлыканье отдаётся вибрацией в ладонях.

– Ладно, тётя Вера, – тихо сказала она в пустоту библиотеки, туда, где между стеллажами плавал вечерний свет. – Ты победила. Я остаюсь. Хотя бы на месяц.

Где-то на верхней полке тихонько качнулась веточка сушёной лаванды, роняя пару сиреневых цветочков на пол. Может, сквозняк. А может... может, тётя Вера услышала.

Анна улыбнулась сквозь усталость.

За окном опускалась ночь, окрашивая небо в оттенки индиго и пурпура. Где-то вдали зажигались фонари. Волга становилась тёмной, словно растворялась в сумерках.

А библиотека наполнялась тишиной – той особенной тишиной, которая бывает только среди книг. Тишиной, полной непрочитанных историй, нерассказанных тайн и забытых секретов.

Тишиной, которая умеет ждать.

И где-то в этой тишине, в старых страницах томов на нижней полке, в запахе лаванды, в загадочной фотографии 1952 года – ждала своя история. История, которую тётя Вера хотела, чтобы Анна узнала.

Но об этом Анна узнает завтра.

Сегодня она просто сидела в кресле, гладила кота и смотрела, как сумерки медленно заполняют комнату, превращая книжные стеллажи в тёмные силуэты, в хранителей тайн.

Барсик сопел во сне. Анна положила голову на спинку кресла.

– Один месяц, – прошептала она. – Что может случиться за один месяц?

Ответа не последовало. Только мягкое урчание кота и шелест ветра в яблонях за окном.

ГЛАВА 2

Кофе, книги и знакомства

Анна проснулась от того, что что-то тяжёлое село ей на грудь и методично выдавливало воздух из лёгких.

Она открыла глаза – и уткнулась взглядом в янтарные кошачьи зрачки, расширенные до размера блюдца. Барсик сидел на ней столбом, как египетский сфинкс на своей пирамиде, и пристально смотрел прямо в душу. Его хвост мерно постукивал по одеялу – тик-так, тик-так – отсчитывая секунды до кормления.

– Который час? – хрипло спросила Анна, нащупывая телефон на тумбочке.

– Мр-р-яу, – ответил Барсик тоном человека, который уже три часа ждёт обещанного завтрака и терпение его на исходе.

Телефон показывал 8:47. И тридцать два непрочитанных сообщения. Анна застонала. В Москве к этому времени она уже час как была бы в мастерской – разбирала почту, отвечала на запросы, встречалась с первым клиентом дня. График расписан по минутам, каждое действие выверено, никаких простоев.

Здесь же тишина давила на уши непривычно. Ни гула машин за окном, ни лифта, скрипящего этажом выше, ни соседского перфоратора в семь утра. Только птицы за окном – воробьи, кажется, или синицы – весело чирикали, обсуждая свои птичьи дела. И урчание Барсика, которое постепенно становилось громче и настойчивее.

– Да-да, понял, – Анна аккуратно сдвинула кота в сторону и села на кровати. Затёкшая спина напомнила о вчерашних восьми часах за рулём. – Только дай мне прийти в себя, договорились?

Барсик спрыгнул с обиженным видом – мол, какие могут быть «договоры», когда желудок требует немедленного внимания – и отправился демонстративно ждать у двери в мансарду, время от времени оборачиваясь с укоризненным взглядом.

Анна встала, накинула кардиган поверх старой футболки, в которой спала, и спустилась по узкой скрипучей лестнице вниз. Утренний свет заливал библиотеку через высокие окна, превращая пылинки в воздухе в золотые созвездия. Запах лаванды и старых книг был таким плотным, что казалось, его можно потрогать.

Пока она насыпала Барсику корм в подсобке, её мысли возвращались к вчерашнему. К фотографии. К загадочной надписи «Пять семей. Храним обет». К тому странному ощущению, что тётя Вера оставила ей не просто наследство, а послание. Загадку, которую нужно разгадать.

«Или ты просто начиталась детективов и видишь тайны там, где их нет», – скептически заметил внутренний голос.

Барсик принялся за еду с видом критика из «Мишлен», оценивающего блюдо в трёхзвёздочном ресторане. Жевал медленно, со вкусом, периодически поглядывая на Анну – мол, в этот раз сойдёт, но в следующий раз ожидаю чего-то более изысканного.

– Привередливый, – усмехнулась Анна, наливая воду в его миску.

Пока кот доедал завтрак, она прошла в крошечную ванную на первом этаже. Душевая кабинка была настолько маленькой, что разворачиваться в ней приходилось с осторожностью, чтобы не задеть локтем стены. Зато вода была горячей, а давление – приличным. Анна стояла под струями, закрыв глаза, и впервые за много месяцев не думала о работе. Не планировала день по минутам. Не прокручивала в голове список дел.

Просто стояла и слушала, как вода стучит по плитке.

Когда она вышла, вытираясь полотенцем с запахом хозяйственного мыла, то поймала себя на мысли, что не помнит, когда в последний раз так расслаблялась по утрам. В Москве душ был функцией – быстро, эффективно, семь минут максимум, и дальше бежать. Здесь же время текло по-другому. Медленнее. Глубже.

Она переделалась в чистые джинсы и светлую льняную рубашку, которую взяла почти случайно – в Москве никогда не носила льна, слишком мнётся. Собрала волосы в низкий хвост, посмотрела на себя в зеркало. Без косметики, без строгой укладки – просто она. Странно непривычно.

Телефон завибрировал настойчиво. Анна посмотрела на экран – Марина звонила в третий раз за утро.

Нельзя откладывать. Она вышла на маленькое крыльцо с задней стороны библиотеки, где росли кусты сирени, и приняла звонок.

– Наконец-то! – голос Марины был напряжённым, усталым. – Я уже думала ехать за тобой с санитарами.

– Прости. Телефон был наверху, я в душе была.

– Ладно. – Марина выдохнула, и Анна услышала, как она прикуривает сигарету. Марина курила только в моменты сильного стресса. – Слушай, у нас катастрофа.

– Я знаю. Заказчик с иконой ушёл.

– Не только он. Ещё двое позвонили сегодня утром. Спрашивают, когда ты вернёшься, могу ли я дать гарантии по срокам. Я сказала неделю. Они сказали, что подумают. – Пауза, затычка. – Аня, они уйдут. Я чувствую. У них есть варианты – Волковы, «Наследие», даже Петренко из Питера готов взяться.

Анна прислонилась к перилам, глядя на яблоневый сад за забором. Белые цветы осыпались под лёгким ветром, как снег. Красиво. Спокойно. Совсем не похоже на её обычное утро, когда первые полчаса после пробуждения она тушила рабочие пожары.

– Сколько мы потеряли? – спросила она.

– С иконой – триста тысяч. Если уйдут ещё двое – ещё четыреста. Итого семьсот. Это почти половина квартальной выручки.

Цифры были болезненными. Они с Мариной вкладывали в мастерскую пять лет – репутацию, связи, оборудование. «Возрождение» было их детищем, их гордостью. И вот за один день всё могло пойти под откос.

– Когда ты возвращаешься? – В голосе Марины прозвучала не просьба, а требование.

Анна сжала перила. Занозистое дерево кололо ладони.

– На месяц, – сказала она тихо.

Долгая пауза. Очень долгая.

– Что? – Голос Марины стал металлическим.

– Месяц. Это условие завещания. Я должна прожить здесь месяц и вести библиотеку, иначе наследство уходит государству.

– Библиотеку?! – Марина почти закричала. – Анна, ты реставратор, а не библиотекарь! У нас контракты! Обязательства! Клиенты! Я не могу тянуть это одна!

– Я знаю, – Анна закрыла глаза. – Поверь, я понимаю. Но выбора нет. Если я уеду раньше – теряю всё. А это здание стоит пять миллионов минимум. Плюс земля, плюс книжный фонд. Плюс...

– Плюс нам наплевать на это здание, когда мы потеряем мастерскую! – Марина явно была на грани срыва. – Ты понимаешь? Если уйдут клиенты, мы закроемся через полгода! Все эти пять лет – коту под хвост!

Анна молчала. Потому что Марина была права. Абсолютно, холодно, математически права. Рациональное решение – вернуться в Москву, плюнуть на наследство, спасти мастерскую.

Но она не могла.

Не из-за денег. Не из-за здания. А из-за того, что тётя Вера попросила. Последняя просьба человека, который любил её всю жизнь, а она в ответ звонила раз в два месяца. Который оставил ей не просто наследство, а шанс. Шанс на что – Анна пока не понимала. Но она чувствовала, что должна остаться.

– Марина, – сказала она спокойно, – давай так. Месяц. Ты делаешь первичные осмотры, фотографируешь, присылаешь мне. Я консультирую онлайн, даю рекомендации. Простые реставрации берёшь сама – ты справишься, ты уже три года со мной работаешь. Сложные – откладываем или отдаём на субподряд.

– Клиенты не будут ждать.

– Некоторые будут. Мы лучшие в этой нише. Куда они денутся?

– К Волковым, я же сказала!

– Волковы быстрые, но качество у них так себе. Помнишь икону Казанской Божией Матери, которую они испортили в прошлом году? Все помнят. Наши клиенты не пойдут к ним, если им нужна настоящая работа.

Марина выдохнула дым – Анна слышала это по телефону.

– Ладно, – сказала она устало. – Попробуем. Но если через две недели всё посыплется – ты бросаешь эту библиотеку и возвращаешься. Договорились?

– Договорились.

– И ты мне должна. Ящик французского вина.

– Два ящика, – пообещала Анна.

Они ещё двадцать минут обсуждали детали – какие заказы в работе, какие на подходе, как организовать удалённое взаимодействие. Разговор был деловым, чётким, без эмоций. Так они всегда работали – по делу, без лишних чувств.

Но когда Анна положила трубку, то почувствовала не облегчение, а странную пустоту. Марина ни разу не спросила, как она держится после смерти тёти. Не спросила, тяжело ли ей одной. Не предложила поддержку.

Только работа. Контракты. Деньги.

«Ты сама такая, – напомнил внутренний голос. – Сколько раз ты точно так же говорила с клиентами? Без личного, только дело. Вы с Мариной одинаковые».

Анна поёжилась, хотя утро было тёплым.

Барсик вышел на крыльцо, потёрся о её ногу – уже сытый, просто решил составить компанию. Анна подняла его, устроила на руках. Кот тяжёлый, тёплый, урчащий. Она уткнулась лицом в его шерсть.

– Что я здесь делаю, Барсик? – тихо спросила она.

Кот промолчал, но его мурчание было красноречивым: «Выясняй сама, человек. Я просто кот».

К половине десятого Анна успела привести себя в порядок, приготовить себе кофе (эспрессо, двойной, без сахара – как обычно) и протереть столики в кафе. Всё было готово к открытию, кроме одного – витрина для выпечки стояла пустая.

Нотариус говорил, что Маша Сорокина приносит свежую выпечку каждое утро. Но что, если она не придёт? Что, если после смерти тёти Веры их негласный контракт перестал действовать? Анна не знала телефона Маши, не знала адреса её пекарни. Она вообще ничего не знала о том, как ведётся эта библиотека.

Тревога нарастала с каждой минутой. Анна ходила из угла в угол, проверяла телефон, смотрела в окно. Девять пятьдесят пять. Пятьдесят восемь. Без двух десять.

Что, если никто не придёт? Что, если жители Цветочного не хотят, чтобы чужая москвичка вела их любимую библиотеку?

В боковую дверь – ту, что вела с улицы прямо в подсобку – постучали. Три коротких стука, потом пауза, потом ещё два. Какой-то особенный стук, видимо, опознавательный.

Анна кинулась открывать.

На пороге стояла девушка с огромной плетёной корзиной в руках. Корзина была накрыта льняным полотенцем в красно-белую клетку, из-под которого вырывался запах – такой запах, что у Анны мгновенно потекли слюнки. Свежее тесто, корица, карамель, ваниль, топлёное масло – целая симфония ароматов.

Сама девушка была такой же яркой, как её выпечка. Жёлтый сарафан в цветочек, белая футболка с вышивкой, рыжие волосы, собранные в небрежный пучок, из которого во все стороны торчали непослушные завитки. Лицо круглое, веснушчатое, губы накрашены ягоднорозовой помадой. А улыбка – широкая, открытая, искренняя – на всё лицо.

– О! – выдохнула она, и глаза её – зелёные, цвета молодой травы – засветились. – Вы Анна! Я Маша! Господи, как я рада, что вы наконец приехали!

Она протиснулась внутрь вместе с корзиной, поставила её на стол и обняла Анну – крепко, тепло, по-родственному, всем телом. Пахло от неё мёдом, корицей и чем-то ещё – может, ванилью, а может, счастьем, если бы оно имело запах.

Анна застыла. Она совершенно не была готова к такому проявлению чувств от незнакомого человека. В Москве даже друзья не обнимались при встрече – максимум лёгкое прикосновение щеками. Здесь же эта рыжая девушка обнимала её так, будто они не виделись двадцать лет, хотя встретились впервые в жизни.

– Я... здравствуйте, – выдавила Анна, неловко похлопывая девушку по спине.

Маша отстранилась, и Анна увидела, что её глаза блестят от слёз.

– Простите, я просто... – девушка смахнула слезу, рассмеялась сквозь всхлип. – Вера Павловна столько о вас рассказывала! Показывала фотографии, читала ваши статьи вслух, гордилась каждым вашим успехом. Я чувствую, будто знаю вас сто лет. И так рада, что библиотека не закроется!

Анна стояла, не зная, что ответить. Радость этой Маши казалась чрезмерной – слишком яркой, слишком открытой. Анна не привыкла к таким эмоциям. В её мире люди держали лица, контролировали чувства, не выплёскивали их на первого встречного.

Но Маша, похоже, жила по другим правилам.

– Спасибо, что ухаживали за библиотекой после... – начала Анна, но Маша уже разворачивала полотенце с корзины.

– Да что вы, это было само собой разумеющимся! – Она начала доставать выпечку, раскладывая на столе. – Я же не могла бросить это место! Вера Павловна была... – голос дрогнул, сломался на полуслове, – была для меня как мама.

Она остановилась, отвернулась, вытерла глаза ладонью. Анна видела, как дрожат её плечи.

– Извините, – тихо сказала Маша, всё ещё не поворачиваясь. – Я думала, что уже справилась. Но когда прихожу сюда... всё напоминает о ней. Каждая полка, каждая чашка.

Анна почувствовала, как внутри что-то сжимается. Эта девушка правда любила тётю. Не просто уважала, не просто дружила – любила, как родного человека. А Анна, родная племянница, звонила раз в два месяца, между делом, на бегу.

– Когда я приехала в Цветочное четыре года назад, я никого не знала, – продолжала Маша, снова разворачиваясь к Анне. Глаза красные, но улыбка уже возвращается. – Сбежала из Воронежа после развода. Сняла маленькую квартирку, открыла пекарню на последние деньги. И в первую же неделю пришла сюда – в библиотеку. Просто посидеть, почитать, спрятаться от мира.

Она взяла пирожок из корзины, покрутила в руках.

– Вера Павловна сразу поняла, что со мной что-то не так. Принесла чай, села рядом, спросила: «Хочешь поговорить?» И я... я разревелась. Рассказала всё – про мужа, который ушёл к другой, про долги, про страх, что не справлюсь одна. А она выслушала, не перебивая. Потом сказала: «Ты справишься. Потому что ты сильная. Просто ещё не знаешь об этом».

Маша улыбнулась – светло, тепло.

– Она помогла мне со всем. Познакомила с людьми, посоветовала поставщиков, даже заказала рекламу в местной газете. А потом предложила: «Давай работать вместе. Ты печёшь, я продаю». И мы стали командой.

Анна слушала, и внутри росло странное чувство – не зависть, нет, но что-то похожее. Эта чужая девушка была рядом с тётей Верой последние четыре года. Пила с ней чай, разговаривала, смеялась. А Анна... Анна была далеко, в своей Москве, в своих делах.

– Вера Павловна часто говорила о вас, – тихо сказала Маша, начиная раскладывать выпечку в витрину. – Говорила, что вы очень талантливая. Что спасаете красоту прошлого. Но ещё говорила... – она запнулась, – что вы забыли, как останавливаться.

Анна вздрогнула.

– Что?

– Она говорила: «Анечка бежит по жизни, как будто её кто-то гонит. Боюсь, она так и не поймёт, что жизнь – это не только работа». – Маша посмотрела на Анну серьёзно. – Может, поэтому она и оставила вам библиотеку. Чтобы вы остановились. Хотя бы на месяц.

Анна отвернулась к окну. Горло сжалось. Тётя Вера видела. Видела то, чего Анна сама в себе не замечала. Или не хотела замечать.

– Сколько я вам должна за выпечку? – спросила она, меняя тему.

Маша не настаивала.

– Ничего. У нас с Верой был договор – я приношу, она продаёт, в конце месяца делим прибыль пополам. Меня это устраивает. Если вас тоже – продолжим.

Анна колебалась. Работать с человеком, которого видишь впервые? Но выбора не было.

– Хорошо. Попробуем. На месяц.

– Отлично! – Маша просияла. – Тогда давайте я покажу, что принесла, а вы сварите нам кофе. И я расскажу вам про Цветочное всё, что нужно знать. Иначе первую неделю будете плутать в местных правилах.

Они сели за столик у окна – тот самый, который, как объяснила Маша, был любимым местом тёти Веры. «Она говорила, что отсюда лучший вид на улицу и яблоневый сад», – добавила девушка.

Анна приготовила два капучино – себе и Маше. Кофемашина работала отлично, тётя явно вкладывалась в хорошее оборудование. Маша откусила круассан и закрыла глаза от удовольствия.

– Божественно, – пробормотала она. – Вера всегда говорила, что мои круассаны не хуже парижских. Хотя в Париже-то я и не была.

– Они правда очень хорошие, – согласилась Анна, пробуя. Слоёное тесто таяло во рту, масло было качественным, без лишней жирности.

Маша улыбнулась довольно.

– Так вы реставрируете старинные иконы? – спросила она.

– Иконы, книги, церковную утварь. Всё, что связано с историей и искусством.

– Это же невероятно! Вы буквально возвращаете к жизни то, что считалось потерянным.

– В каком-то смысле.

– И вы бросили всё это ради библиотеки?

Анна поставила чашку.

– Не бросила. Просто взяла паузу. Месяц здесь, потом вернусь.

Маша посмотрела на неё долгим, внимательным взглядом – так, будто видела что-то, о чём Анна сама не догадывалась.

– Вера говорила, что вы вернётесь сюда. Но останетесь.

– Она ошибалась.

– Посмотрим, – Маша улыбнулась загадочно и отпила кофе. – Ладно, давайте я расскажу вам про Цветочное. Без этого вы пропадёте.

Она начала рассказывать, и Анна слушала, мысленно записывая.

Цветочное – три с половиной тысячи человек. Городок старый, основан в XVIII веке как торговое поселение на Волге. Расцвет был в XIX веке, когда здесь жили купцы, строили усадьбы и церкви. Потом революция, потом война, потом медленное угасание.

– Сейчас живут в основном пенсионеры и семьи с детьми, – объясняла Маша. – Работы мало. Кто-то ездит в районный центр, кто-то фермерством занимается, кто-то на удалёнке. Летом приезжают дачники – вот тогда город оживает.

Главные точки: администрация, школа, поликлиника, три магазина продуктовых, пекарня Маши, библиотека, церковь-музей на холме, дом культуры, где иногда концерты.

– Мэр – Василий Петрович Ковалёв, – продолжала Маша. – Бывший директор школы, лет шестидесяти. Нормальный мужик, но ленивый. Если нужны какие-то разрешения или помощь с ремонтом – идите к нему. Но лучше с чаем и пирогами, он любит, когда его уважают.

Участковый – Андрей Иванович Крылов. Добродушный, медлительный. Серьёзных преступлений тут не бывает, так что он больше помогает бабушкам коммунальные счета разбивать.

Врач – Елена Юрьевна, молодая, лет тридцати. Приехала три года назад по программе «Земский доктор». Умная, но замкнутая. Мало с кем общается.

– Ещё очень важный человек – Семён Петрович Лебедев, – Маша понизила голос, будто рассказывала секрет. – Местный краевед. Бывший учитель истории, сейчас на пенсии. Живёт один в доме на окраине. У него там целый музей – книги, карты, старинные вещи. Помешан на истории Цветочного.

Анна насторожилась. Лебедев. Первая фамилия из фотографии.

– Он... открытый человек? – осторожно спросила она. – Легко идёт на контакт?

– Ну, если тема ему интересна – заговорите его, не остановите, – засмеялась Маша. – Может три часа рассказывать про войну, про купцов, про старые усадьбы. Вера часто с ним советовалась, когда готовила краеведческие вечера. Правда, последний год он стал немного странным.

– Станным как?

Маша пожала плечами.

– Закрывается. Говорит что-то про «важный проект», но не делится подробностями. Вера говорила, что он роется в архивах, что-то ищет. Но что – непонятно. Возрастное, наверное. Ему уже под семьдесят.

Анна кивнула, делая мысленную пометку: обязательно поговорить с Семёном Петровичем.

– И ещё одна ключевая фигура – Ольга Виноградова, – Маша стала серьезнее. – Директор музея в бывшей церкви. Вот с ней нужно аккуратно.

– Почему?

– Она очень... правильная. Строгая. Любит, чтобы всё было по уставу, по регламенту. С ней лучше общаться официально, на «вы», без панибратства. Она не любит фамильярности.

– Виноградова, – повторила Анна. Вторая фамилия из фотографии.

– Ага. Её семья здесь очень старинная, ещё с купеческих времён. Прадед был крупным торговцем, владел пароходами. Дом у них в центре, двухэтажный, кирпичный, красивый. Там сейчас Ольга с матерью живёт.

Анна кивала, складывая в голове пазл. Лебедев, Виноградова, Соколов (которого она пока не встретила), Морозовы (её собственная семья) и ещё одна фамилия – Волконские.

– А семья Волконских здесь есть? – спросила она.

Маша нахмурилась.

– Была. Старинный дворянский род. У них усадьба на окраине города, на холме. Но последний из Волконских – старик Владимир Владимирович – умер лет двадцать назад. Наследников не осталось. Усадьба заброшена. – Она вздохнула. – Жалко. Красивое место было.

Анна делала пометки в уме. Значит, Волконских больше нет. Остались четыре семьи из пяти.

Маша посмотрела на часы – старые механические, на кожаном ремешке.

– Ой, мне пора! У меня вторая партия хлеба скоро из духовки выйдет. Если передержу – сгорит.

Она вскочила, обняла Анну снова – на этот раз Анна была готова и ответила, хоть и неуверенно.

– Если что-то нужно – я три дома отсюда, по улице Пушкина вниз. Жёлтое здание, вывеска «Медовый колос». Не промахнётесь!

– Спасибо, – сказала Анна. – За выпечку. И за... за рассказ.

– Не за что! – Маша уже была у двери, но обернулась. – И ещё. Вера очень любила вас. Говорила о вас с такой гордостью, с такой нежностью. Не вините себя за то, что редко приезжали. Она понимала. Она всегда понимала.

И она исчезла, оставив за собой запах корицы и лёгкое ощущение тепла.

Анна осталась одна. Села обратно за столик, допила остывший капучино.

«Не вините себя». Но как не винить, когда вина очевидна? Тётя Вера ждала. Писала письма, звонила, приглашала приехать. А Анна отвечала: «Потом, тётя. У меня дедлайн. Приеду на праздники». И не приезжала.

А теперь поздно.

Барсик запрыгнул к ней на колени, свернулся клубком. Анна гладила тёплую шерсть, глядя в окно.

За стеклом по улице прошла пожилая женщина с авоськой. Проехал мальчик на велосипеде. Пролетела стайка воробьёв.

Жизнь текла медленно, неспешно.

И впервые за много лет Анна не чувствовала потребности бежать.

В пять минут десятого Анна подошла к входной двери библиотеки. Сердце билось чаще обычного. Сейчас она откроет дверь – и станет частью этого места. Станет той, кто продолжает дело тёти Веры.

Она повернула ключ, сняла цепочку. Глубокий вдох. Выдох.

Дверь распахнулась, впуская свежий утренний воздух.

Библиотека «Лавандовая страница» снова работала.

Первым посетителем, как и предсказывала судьба, стал ребёнок.

Мальчик лет десяти, худенький, с большими серыми глазами и рюкзаком с человеком-пауком на спине. Он замер на пороге, глядя на Анну с опаской.

– Здравствуйте, – сказал он тихо. – А Вера Павловна где?

Анна присела на корточки, чтобы быть на уровне его глаз. Внутри что-то сжалось. Как объяснить ребёнку?

– Здравствуй. Я Анна, племянница Веры. Она... она умерла. Теперь библиотеку веду я.

Мальчик нахмурился. Губы задрожали. Анна видела, как он сдерживает слёзы.

– Совсем умерла?

– Да. Мне очень жаль.

Он молчал, глядя в пол. Ботинки стоптанные, шнурки развязались. Анна хотела что-то сказать – утешить, обнять, – но не умела. Она не привыкла работать с детьми. В её мире были взрослые клиенты, деловые разговоры, профессиональная дистанция.

– Она обещала найти мне книгу, – наконец сказал мальчик, поднимая глаза. – Про динозавров. С картинками. Я жду уже неделю.

И Анна поняла – сейчас она не может сказать «извините, не знаю, где искать». Потому что тётя Вера обещала. А обещания нужно держать, даже если обещавший больше не может.

– Как тебя зовут? – спросила она мягко.

– Дима.

– Отлично, Дима. Давай найдём эту книгу вместе. Пошли.

Они прошли в библиотеку. Анна начала осматривать полки с детской литературой. «Винни-Пух», «Пеппи Длинныйчулок», «Гарри Поттер», серии про животных...

– Вот! – Дима указал на верхнюю полку.

Анна встала на цыпочки, достала толстую книгу в твёрдой обложке. «Динозавры. Иллюстрированная энциклопедия». На обложке – тираннозавр, реалистичный, с огромными зубами.

– Эта?

Глаза Димы загорелись.

– Да! Она самая!

Он взял книгу в руки, прижал к груди, как сокровище. Анна видела, как лицо мальчика преобразилось – от грусти к радости, за секунду.

– Сколько стоит?

– Ничего. Библиотека бесплатная. Только верни, когда прочитаешь.

Дима смотрел на неё с изумлением.

– Правда? Совсем бесплатно?

– Совсем.

– А если я случайно порву страницу?

– Постарайся не рвать. Но если случится – не страшно. Принесёшь, я подклею.

Мальчик кивнул серьёзно.

– Обещаю беречь. Спасибо!

Он выбежал, счастливый, и дверь захлопнулась за ним.

Анна стояла среди стеллажей, и внутри было странное чувство. Не удовлетворение от выполненной работы, не профессиональная гордость. Что-то другое. Теплое. Лёгкое.

Барсик потёрся о её ногу.

- Может, я не совсем безнадежна? – сказала Анна коту.
- Мр-яу, – согласился Барсик. Может, и не совсем.

День разворачивался неспешно, как страницы старой книги.

Пришли три старушки – те самые Галя, Люда и Антонина Фёдоровна. Сели за столик, заказали чай и ватрушки. Галя плакала, вспоминая Веру, а Люда утешала. Антонина Фёдоровна рассказывала истории о том, как пятьдесят лет назад на этом месте была земская школа, где она сама училась.

– Вера Павловна сохранила дух того времени, – говорила она, глядя на стеллажи. – Когдаходишь сюда, чувствуешь – время остановилось. В хорошем смысле.

Пришла молодая мама с коляской, попросила что-нибудь для ребёнка. Анна дала «Груффало» Дональдсона. Мама поблагодарила, заказала латте и булочку, села читать.

Зашёл мужчина средних лет, работник местного магазина. Попросил детектив. Анна показала полку с Агатой Кристи.

– А ещё есть что-то современное? – спросил он.

Анна вспомнила слова Егора Соколова (хотя ещё не встречала его): полка с современными детективами в углу. Нашла. Показала книги Джоан Харрис, Питера Боланда.

– Вот это! – обрадовался мужчина. – Спасибо.

Пришли школьницы-подростки, лет четырнадцати-пятнадцати. Хихикали, фотографировали интерьер для инстаграма, заказывали латте и булочки с корицей. Сидели час, болтали о мальчиках и учителях.

К двум часам дня Анна почувствовала усталость. Не физическую – она не таскала тяжести, не бегала. Эмоциональную. Общение вытягивало энергию. В мастерской она работала в тишине, сосредоточенно, погружаясь в реставрацию. Здесь же – постоянный поток людей, разговоров, улыбок.

Но странное дело – несмотря на усталость, ей нравилось.

Она сидела за стойкой, потягивая воду, когда дверь снова открылась.

Вошёл мужчина лет тридцати с небольшим – высокий, немного сутулый, в джинсах и клетчатой рубашке с закатанными рукавами. Тёмные волосы чуть растрёпаны, очки в тонкой металлической оправе. Лицо усталое, но умное, с глубокими задумчивыми глазами. Он нёс под мышкой потёртый кожаный портфель.

Мужчина оглядел библиотеку с лёгкой грустью, потом перевёл взгляд на Анну.

– Добрый день, – сказал он. Голос негромкий, приятный. – Вы новый библиотекарь?

– Скорее временный владелец, – ответила Анна. – Анна Морозова.

– Егор Соколов, – он подошёл, протянул руку. – Учитель истории в местной школе.

Соколов. Третья фамилия из фотографии.

Анна пожала руку. Ладонь тёплая, с мозолями – не от ручки, от чего-то другого. Может, столярные работы? Или он играет на гитаре?

– Рада познакомиться, – сказала она. – Чем могу помочь?

– Мне нужна книга. Вера Павловна обещала отложить – «История России XVIII века», редакция Павленко. Для урока завтра нужна.

Анна вспомнила стопку на столе тёти. Подошла, нашла – книга в синей обложке, с закладкой и запиской: «Для Егора С. Не забыть!»

– Вот, – она протянула том.

Егор взял книгу, полистал, кивнул удовлетворённо.

– Спасибо. Вера Павловна всегда помнила про мои просьбы. – Он посмотрел на Анну внимательно. – Как вы устроились? Библиотека – это совсем не то, чем вы занимались в Москве, насколько я знаю.

Анна насторожилась.

– Откуда вы знаете, чем я занималась?

– Вера Павловна рассказывала, – Егор улыбнулся. – Она очень гордилась вами. Реставратор икон и старинных книг. Говорила, что вы спасаете прошлое. Возвращаете красоту того, что все считали утраченным.

Анна не знала, что ответить. Никто никогда так не описывал её работу. Обычно говорили: «Реставратор. Да, интересно». А «спасаете прошлое» звучало... возвышенно. Почти поэтично.

– Хотите кофе? – предложила она, пряча смущение. – Или чай?

– Кофе с удовольствием. Американо, если можно.

Пока она готовила, Егор медленно прошёлся вдоль стеллажей. Проводил пальцами по корешкам, останавливался, доставал книгу, листал, ставил обратно. Движения неспешные, почти медитативные.

– Вера Павловна создала здесь что-то большее, чем библиотека, – сказал он, не оборачиваясь. – Она создала место, где люди чувствуют, что их слышат. Что они не одни.

Анна подала ему чашку. Егор сделал глоток, кивнул одобительно.

– Вы были близки с тётей? – спросила она.

– Достаточно, – он сел за столик у окна, пригласил жестом присоединиться. Анна села напротив. – Я часто брал книги для уроков, советовался по программе. Она помогала – подбирала материалы, рассказывала истории, которых нет в учебниках. Истории людей, которые жили здесь сто, двести лет назад. – Он помолчал, глядя в окно. – Мне не хватает этих разговоров.

Анна видела искренность в его глазах. Этот человек правда скучал по тёте. И это вызвало противоречивые чувства – благодарность за то, что тётя не была одинока, и стыд за то, что сама не давала ей внимания.

– Ваша семья давно в Цветочном? – спросила она, решив проверить догадку.

– С 1840-х годов, – ответил Егор. – Мой прапрадед был священником. Служил в церкви на холме – той, что сейчас музей. Потом его сын, потом внук. Династия, можно сказать.

– А сейчас?

– Сейчас я учитель. Династия оборвалась в 1930-х, когда церковь закрыли. Моего прадеда... – он запнулся, – его арестовали. Умер в лагере. После этого никто из Соколовых в священники не пошёл.

Анна кивнула. История типичная для того времени.

– Тётя оставила много записей, фотографий, – сказала она осторожно. – Я пытаюсь разобраться в истории города. Может, вы поможете?

– С удовольствием. Что именно интересует?

Анна сделала паузу, взвешивая. Стоит ли спрашивать? Но любопытство победило.

– Вы случайно не знаете, что значит фраза «пять семей, храним обет»?

Егор замер. Чашка застыла на полпути к губам. Лицо изменилось мгновенно – стало закрытым, напряжённым. Как будто за секунду опустился занавес.

– Откуда вы это? – Голос стал осторожным, настороженным.

– Нашла старую фотографию, – ответила Анна. – 1952 года. Пять человек стоят перед церковью. На обороте эта надпись.

Егор поставил чашку, снял очки, протёр их платком – явно затягивая время, чтобы собраться с мыслями. Анна наблюдала, как его пальцы чуть дрожат.

– Это... городская легенда, – сказал он наконец, надевая очки обратно. – Во время войны, когда немцы приближались к Цветочному, несколько местных семей якобы спрятали церковные ценности. Иконы, может, ещё что-то. Поклялись хранить тайну до «безопасных времён». – Он пожал плечами, но жест вышел неестественным. – Типичная мифология маленьких городов. Всем хочется быть причастными к чему-то важному, героическому.

Анна смотрела ему в глаза. Он врал. Она была уверена. Видела, как его взгляд отводился в сторону, как напряглись плечи, как пальцы сжали оправу очков слишком сильно.

– Вы не верите в эту легенду? – спросила она нейтрально.

– Нет, – он встретил её взгляд, и лицо его снова стало спокойным, интеллигентным. – Я историк. Мне нужны факты, документы, источники. А легенды – это просто красивые сказки, которые люди рассказывают себе, чтобы жизнь казалась интереснее.

Он говорил убедительно. Но Анна не поверила ни единому слову.

– Понятно, – кивнула она. – Наверное, вы правы. Я просто начиталась детективов.

Егор расслабился, улыбнулся:

– Вера Павловна тоже любила детективы. Особенно уютные – без жестокости, без крови. Говорила, что детектив должен лечить душу, а не ранить. У вас есть целая полка с такими – вон там, в углу. Она регулярно заказывала новинки.

Они ещё минут двадцать говорили – о школе, о детях Цветочного, об образовании, о книгах. Егор оказался приятным собеседником – умным, спокойным, с тонким чувством юмора. Рассказывал смешные истории про учеников, делился мыслями о том, как трудно учить детей любить историю, когда вокруг TikTok и игры.

Но Анна не могла отделаться от ощущения, что за этой интеллигентной маской он что-то скрывает. Что-то важное.

Когда Егор ушёл, оставив шестьдесят рублей за кофе и книгу под мышкой, Анна вернулась к стеллажу с дореволюционными изданиями. Достала том Чехова, где вчера нашла фотографию.

Разложила снимок на столе, придвинула настольную лампу.

Пять человек. Белокаменная церковь с колокольней. 1952 год.

Анна вглядывалась в лица. Слева – высокий мужчина в костюме, рядом – хрупкая женщина в тёмном платье. Дальше – пожилая пара. Справа – молодая женщина с младенцем на руках.

Она перевернула фотографию. На обороте, кроме надписи «Пять семей. Храним обет», были ещё пометки карандашом, почти стёршиеся:

«В.В.В.» – «Л.» – «М.» – «С.» – «В.»

Инициалы?

Анна взяла листок бумаги, записала фамилии, которые уже знала:

Волконские – усадьба на окраине, род вымер

Лебедев – Семён Петрович, краевед

Морозовы – её собственная семья, тётя Вера

Соколов – Егор, учитель истории

Виноградовы – Ольга, директор музея

Пять семей. Всё сходится.

«Храним обет». Обет хранить церковные ценности? Иконы?

Егор сказал, что это легенда. Но его реакция была слишком сильной для простой легенды. Он знает. Знает и молчит.

Почему?

Барсик запрыгнул на стол, уселся прямо на фотографии.

– Барсик, подвинься!

– Мр-р-яу, – возмутился кот, но сдвинулся, оставив отпечаток лапы на старой бумаге.

Анна посмотрела на кота.

– Ты знаешь что-то, да? Тётя Вера рассказывала тебе секреты?

Барсик промолчал, но его взгляд был красноречивым: «Копай глубже, человек. И корми меня лучше».

Анна сложила фотографию обратно в книгу, поставила том на стол. Вопросов становилось больше, чем ответов.

Но одно она понимала точно: тётя Вера оставила ей не просто библиотеку. Она оставила загадку. Историю, которую нужно разгадать.

И Анна собиралась это сделать.

За окном цвели яблони, и день медленно клонился к вечеру. Солнце окрашивало облака в оттенки розового и золотого. Где-то вдали смеялись дети, играя на улице.

Анна сидела в кресле у окна, гладила Барсика и смотрела, как свет меняется.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Марины:

«Кстати, нашла старый контакт. Если хочешь – могу организовать экспертизу твоих документов из библиотеки. Может, там есть что-то ценное».

Анна посмотрела на стеллажи с дореволюционными изданиями. Может, и правда есть. Но сейчас это не важно.

Сейчас важнее было понять, что скрывают жители Цветочного. И почему тётя Вера хотела, чтобы она это узнала.

Барсик мурлыкал на коленях, тёплый и тяжёлый.

А за окном опускалась ночь, и библиотека наполнялась тишиной – той особенной тишиной, которая хранит тайны.

Рецепт от Маши: Булочки с корицей

Ингредиенты для теста:

Мука – 500 г

Молоко тёплое – 250 мл

Сахар – 100 г

Масло сливочное – 100 г (растопить)

Яйца – 2 шт.

Дрожжи сухие – 10 г

Соль – щепотка

Ванильный сахар – 1 пакетик

Для начинки:

Масло сливочное мягкое – 80 г

Сахар – 100 г

Корица молотая – 3 ст. л.

Для глазури:

Сахарная пудра – 150 г

Молоко – 3 ст. л.

Лимонный сок – несколько капель

Приготовление:

Дрожжи растворить в тёплом молоке с 1 ст. л. сахара, дать постоять 10 минут.

Добавить яйца, масло, остальной сахар, соль, ванильный сахар. Постепенно ввести муку, замесить мягкое тесто.

Оставить в тепле на 1 час.

Раскатать в прямоугольник, смазать начинкой (смешать масло, сахар, корицу).

Свернуть рулетом, нарезать на кусочки толщиной 3-4 см.

Выложить на противень, дать постоять 20 минут.

Выпекать 25 минут при 180°C.

Готовые булочки полить глазурью (смешать пудру, молоко, лимонный сок).

«Секрет Маши: чтобы булочки были пышнее, не жалейте времени на расстойку теста!»

ГЛАВА 3

Шифр из прошлого

Среда началась с дождя.

Не привычного московского дождя – раздражённого, торопливого, барабанищего по стеклу так, будто ему самому некогда, – а дождя провинциального, обстоятельного. Такого, который не спрашивает разрешения и не торопится заканчивать. Он просто идёт, потому что так надо, потому что земля просит воды, потому что яблони ещё не напились после цветения.

Анна лежала в постели и слушала.

В мансарде звук дождя был объёмным – не просто шум за окном, а целая партитура. Крупные капли стучали по жестяному отливу у окна. Мелкие шелестели по черепице. Вода журчала в водостоке. Где-то далеко, за садом, сорока кричала сердито – видимо, дождь спутал её планы.

Анна не пыталась заснуть снова. Просто лежала, глядя в потолок с тёмными балками, и думала.

Точнее – не думала. Позволяла мыслям идти самим, без направления и цели. В Москве она не умела так – там мысль должна была вести к решению, к действию, к результату. Иначе зачем тратить время?

Здесь это правило не работало. Здесь можно было просто лежать и слушать дождь.

Фотография не выходила из головы.

Пять человек у белокаменной церкви. «Храним обет». Реакция Егора – слишком быстрая, слишком отработанная, как у человека, который репетировал этот ответ на случай, если спросят. Не ложь от растерянности – ложь от подготовки.

Разница принципиальная. Растерянный лжёт неловко. Подготовленный лжёт гладко. Егор солгал гладко.

Значит, он не просто что-то знает. Он знает и давно решил молчать.

Но почему?

Барсик шевельнулся у неё в ногах, потянулся с таким звуком, будто его растягивали на станке, и уставился одним янтарным глазом. Второй открываться не торопился.

– Доброе утро, – сказала Анна.

– Мр, – ответил кот. В этом коротком звуке читалось: «Это моё мнение насчёт утра, и оно в целом нейтральное».

Анна встала.

Пока она умывалась и одевалась, дождь за окном менял характер – то усиливался до настоящего ливня, то откатывал до тихого шороха. Анна наблюдала за ним через маленькое окошко в ванной. Улица Пушкина блестела. Яблони за забором гнулись, теряя последние лепестки – белые, мокрые, они прилипали к мостовой, к забору, к листьям травы.

Она поймала себя на том, что смотрит уже три минуты. Просто смотрит, как летят лепестки.

В Москве она не смотрела в окна. Некогда было.

Телефон лежал на тумбочке с двадцатью восемью непрочитанными сообщениями. Анна взяла его, пробежала взглядом. Марина – трижды, по нарастающей тревожности. Заказчик с запросом. Бухгалтер с вопросом по налогам.

И одно сообщение от номера без имени, пришедшее вчера поздно вечером:

«Вы нашли записки. Будьте осторожны. Не все хотят, чтобы это вышло наружу. С.П.Л.»

Анна перечитала дважды. «С.П.Л.» – Семён Петрович Лебедев. Откуда у него её номер? Должно быть, Вера дала.

«Не все хотят, чтобы это вышло наружу».

Кто – не все? Жители города? Какие-то чужие люди? И что именно – что?

Анна убрала телефон в карман. Вопросы копились. Ответы пока не спешили.

Она спустилась кормить Барсика.

Маша пришла без пятнадцати десять – раньше обычного, что-то напевая под нос. На этот раз зонтик у неё был не потрёпанный, а яркий, в крупный жёлтый горошек. В корзине – ватрушки с творогом, горячие плюшки с маком и пирог с черникой, от которого шёл такой запах, что Анна ощутила острый голод, хотя завтракала час назад.

– Дождь, значит, будет много народу! – сообщила Маша, расставляя выпечку в витрину. – Когда плохая погода, люди идут в библиотеку греться. Вера всегда говорила: дождь – лучшая реклама.

– Как она вообще вела это кафе? – спросила Анна, наблюдая за ловкими движениями Маши. – Одна, без помощников?

– Ну, утром я помогала. Ещё Антонина Фёдоровна иногда сидела за стойкой, когда Вера куда-то уходила. – Маша пожала плечами. – Здесь не нужен штат, понимаете? Это не бизнес в московском смысле. Это... – она подыскивала слово, – место. Место, которое само себя держит, потому что нужно людям.

Анна налила им обеим кофе. Маша обхватила чашку ладонями – жест был точь-в-точь как у Анны, когда та о чём-то думала.

– Маша, – начала Анна, подбирая слова. – Вы много знаете об истории города?

– Ну, я не краевед, – девушка улыбнулась. – Семён Петрович знает всё, я – только то, что люди рассказывают. Сплетни, предания. Почему?

– Вы знаете семью Лебедевых? Его самого – Семёна Петровича?

– Конечно. Живёт один на Садовой, дом с якорями у крыльца. Вера к нему ходила регулярно. – Маша откусила ватрушку, задумалась. – Он странный немного. Не в плохом смысле. Просто живёт в своём времени. Вы бы видели его дом – там карты везде, фотографии, папки с документами. Как будто история города у него в гостях прямо сейчас живёт.

– Вы сказали, что в последний год он стал закрытым.

– Да. – Маша помолчала. – Вера перед смертью обронила одну фразу. Сказала: «Семён Петрович хочет закончить начатое. Боюсь, без меня ему будет трудно». Я тогда не поняла. А сейчас...

Она посмотрела на Анну с неожиданной серьёзностью.

– Это связано с теми записками, да? Которые вы ищете в книгах?

Анна вздрогнула:

– Откуда вы знаете про записки?

– Вчера вечером вы три раза подходили к тому стеллажу, – Маша кивнула в сторону дальней полки. – И каждый раз уходили с чем-то в руках. Я не слепая. – Она сделала глоток кофе. – Вера говорила, что в нужное время придёт нужный человек. Я думаю, это вы.

Анна смотрела на неё. Маша была проще, чем казалась поначалу. Нет – она была глубже, чем казалась. За рыжими волосами и широкой улыбкой пряталась внимательная, наблюдательная женщина, которая замечала всё.

– Сегодня я иду к Семёну Петровичу, – сказала Анна. – Хочу поговорить. Если там будет что-то важное – расскажу вам.

Маша кивнула – коротко, серьёзно.

– Я буду.

Первый посетитель появился в начале одиннадцатого. За ним – второй, третий.

Дождь действительно гнал людей в библиотеку. Анна это чувствовала физически – атмосфера помещения менялась с каждым вошедшим. Становилась теплее, гуще, живее. Запах мокрых плащей и зонтиков мешался с кофе и черничным пирогом.

Пришла молодая женщина с двумя детьми-погодками, лет трёх и пяти. Дети немедленно забрались на диван и потребовали книжки с картинками. Анна нашла им «Грузовик» Лёни Тихомирова и «Маленькую Бабу-Ягу» Пройслера. Старший схватил обе, младший насупился. Анна нашла третью – «Приключения Мурзилки». Младший успокоился.

Женщина заказала латте с двойным сахаром и ватрушку, посмотрела на Анну с лёгким изумлением:

– Вы хорошо справляетесь. Для первого раза.

– Откуда вы знаете, что это первый раз? – удивилась Анна.

– В Цветочном всё знают, – женщина улыбнулась. – Не переживайте. Вера тоже поначалу путалась, кому что нести. Потом привыкла.

«Вера тоже поначалу путалась». Значит, и у тёти был свой первый раз. Своя неловкость, своя растерянность. Анна об этом не думала – она представляла тётю Веру сразу такой, какой помнила: уверенной, знающей своё место в мире.

Но у каждого уверенного человека было время, когда он не был уверен ни в чём.

Зашёл пожилой мужчина, попросил подшивку местной газеты за 2019 год. Анна нашла её в шкафу под лестницей – тётя хранила подшивки по годам, аккуратно, в папках с этикетками. Мужчина устроился у окна, раскрыл газету, и Анна поняла, что он пришёл не за новостями. Он пришёл посидеть в тепле, в месте, где его знают.

Книжный клуб появился в час дня – пятеро, с Антониной Фёдоровной во главе. Рассаживались основательно, как люди, которые знают здесь каждый сантиметр. Книга сегодня была «Убийство Роджера Экройда».

– Мы продолжаем с прошлой недели, – объяснила Антонина Фёдоровна Анне. – Остановились на восемнадцатой главе. Вера всегда читала вслух вступительный абзац – такая была традиция.

Анна нашла страницу. Прочитала абзац – голос немного дрожал поначалу, но к третьему предложению выровнялся. Клуб одобрительно захолопал.

– Вы читаете хорошо, – сказала Антонина Фёдоровна. – Вера тоже умела. У вас одинаковые голоса, знаете ли. Низкие, чёткие.

Анна промолчала. Ком в горле не позволял отвечать.

В половине второго, пока клуб спорил о мотивах Пуаро, Анна надела плащ, повесила табличку «Перерыв до 14:30» и вышла под дождь.

Улица Садовая оказалась тихой, почти деревенской – домики с огородами, кое-где теплицы, яблони вдоль забора. Дом Семёна Петровича Анна нашла сразу – Маша была права, не заметить его было невозможно.

Два старых якоря у крыльца. Заборные таблички с историческими датами. Окна, заставленные изнутри книгами так плотно, что просвечивало только самое верхнее стекло.

Анна постучала.

Шаги изнутри – тяжёлые, неспешные. Дверь открылась.

Семён Петрович Лебедев оказался ниже ростом, чем она ожидала. Коренастый, с белой бородой, которую явно не трогали несколько дней. Очки с толстыми линзами, за ними – маленькие острые глаза. Клетчатый халат. В одной руке книга с тремя закладками, в другой – карандаш.

Он смотрел на неё несколько секунд. Потом сказал:

– Морозова. Вижу.

– Видите? – Анна слегка опешила.

– На Елену Павловну похожи. Нос и глаза. – Он отступил в сторону. – Входите. Плащ на вешалку.

В доме Семёна Петровича время действительно жило иначе. Не остановилось – это было бы слишком поэтично и неточно. Скорее – уплотнилось. 1941-й год существовал здесь одновременно с 1853-м и с сегодняшним утром, и все три эпохи смотрели на вошедшего со стен, с полок, со стопок бумаги на столе.

Анна медленно оглядывалась, пока хозяин гремел чайником на кухне. Карты – старые, с ятями в названиях, и новые, с карандашными пометками. Фотографии в рамках и без – пожелтевшие групповые снимки, портреты, виды города в разные десятилетия. Папки с надписями – «Цветочное, XIX в.», «Переписка, 1920-1935», «Оккупация, материалы».

Эта последняя папка стояла отдельно от остальных. Немного выдвинутая вперёд – как будто её недавно брали.

– Садитесь куда найдёте место, – крикнул Семён Петрович из кухни. – Книги можно двигать.

Анна расчистила место на стуле у окна. Дождь за стеклом стал совсем тихим – почти шёпот.

Семён Петрович вышел с двумя чашками крепкого чая – почти чёрного, с блюдцем печенья. Сел в своё кресло, раскрыл книгу – и тут же закрыл. Посмотрел на Анну.

– Вы получили моё сообщение.

– Да. «Будьте осторожны». – Анна сжала чашку двумя руками. – От кого осторожнее?

Он ответил не сразу. Отпил чай, поставил чашку точно на то же место, откуда взял.

– Есть человек. Антиквар из областного центра – Вадим Кречет. Он давно интересуется иконами Цветочного. Не из любви к искусству – из коммерческого интереса. Иконы XVII века на закрытом рынке стоят очень серьёзных денег.

– Откуда он знает о них?

– Слухи. В маленьких городах всё просачивается рано или поздно. Кречет умный, умеет задавать правильные вопросы в нужных местах. Три года назад он уже приходил ко мне. – Семён Петрович помолчал. – Я сказал, что ничего не знаю.

– Он поверил?

– Нет. Но доказательств у него тоже нет. Пока нет. – Он посмотрел на Анну прямо. – Вы нашли записки. Я правильно понял?

Анна достала из сумки конверт.

Он читал долго. Молча, без каких-либо внешних реакций – только пальцы чуть сильнее сжимали бумагу, когда он добирался до важных мест. Анна наблюдала за ним, пытаясь понять, что именно он чувствует. Облегчение? Тревогу? Печаль?

Когда Семён Петрович дочитал последний листок – тот, карандашный, с упоминанием болезни Лебедева, – он на несколько секунд закрыл глаза. Это было единственным видимым проявлением чувств.

– Моего отца звали Пётр Андреевич, – сказал он наконец, не открывая глаз. – Умер в семьдесят девятом. Рак. Я тогда был молодой, самонадеянный, думал – успею расспросить. Не успел.

– Ваша прабабушка взяла его часть.

– Елена Павловна Морозова. Вера говорила мне об этом за три года до смерти. – Он открыл глаза. – Говорила: «Семён, Лебедевская икона в сохранности. Не беспокойся». Я тогда спросил: «Вера, нам уже восемьдесят на двоих. Когда, если не сейчас?» Она ответила: «Когда придёт нужный человек».

Пауза.

– Значит, нужный человек – это вы, – закончил он, глядя на Анну.

Анна почувствовала, как по спине прошёл холодок. Не от страха – от осознания. Тётя Вера готовила это годами. Не импульсивно, не в последний момент – годами выстраивала, укладывала, готовила почву. Записки в книгах, фотография, конверт с ключом, письмо.

Всё было расставлено именно так, чтобы Анна нашла сама. Не была рассказана – нашла. Потому что найденное своими руками становится своим. Рассказанное чужое – остаётся чужим.

Тётя Вера понимала психологию людей лучше, чем большинство психологов.

– Расскажите мне всё, – сказала Анна. – С начала. Как это было в сорок первом.

Семён Петрович поставил чашку, сложил руки на коленях – жест человека, который собирается говорить долго и серьёзно.

– Октябрь сорок первого. Немцы уже взяли Орёл, шли к Туле. До нас они не добрались – повезло, фронт ушёл южнее. Но тогда этого не знали. Была паника. Люди зарывали ценности в огородах, жгли документы, паковали вещи.

– А священник?

– Михаил Васильевич Соколов. Дед Егора. Он первым понял, что если немцы придут – церковь разграбят. Не обязательно сами немцы. Мародёры. Свои же, испуганные, голодные люди. Иконы были старые – три из пяти шестнадцатый-семнадцатый век, одна восемнадцатый, одна девятнадцатый. Но для простого мародёра икона – это доска в окладе. Ценность непонятная. Могут выбросить, могут сжечь для тепла.

– Поэтому он их спрятал.

– Поэтому он создал пятерых. Не случайных – тех, кого знал годами. Волконский – он тогда ещё живой был, старый уже, но крепкий. Мой дед Пётр – молодой учитель, надёжный. Ваша прабабушка Елена – умная женщина, Вера в неё пошла. Виноградов Алексей Дмитриевич – купеческий потомок, имел подвалы, умел хранить. И он сам, Соколов. – Пауза. – Каждый взял одну икону. Каждый спрятал у себя. Никто не знал, где у соседа.

Анна слушала, не перебивая. За окном дождь то усиливался, то откатывался. Голос Семёна Петровича был ровным – голос человека, который рассказывает не легенду, а факт. Просто факт, который случился с людьми, которых он знал.

– Немцы не пришли. Но иконы не вернули. Сначала – война, не до того. Потом – сорок шестой, сорок седьмой, снова нехватка всего. В сорок восьмом церковь закрыли – первый раз, потом открыли снова, потом в пятьдесят третьем закрыли окончательно.

– И Соколов составил соглашение.

– Соглашение – громко сказано. Договорённость пятерых людей, которые понимали: время ещё не пришло. Советская власть изымала церковное имущество. Если найдут – иконы уйдут в область, в Москву, в запасники. Их не увидит никто.

Анна кивнула. Логика была простой и человеческой.

– Соколов умер в пятьдесят четвёртом, – продолжал Семён Петрович. – Официально – сердце. Неофициально – допрашивали его. Не по поводу икон, по другому делу. Но здоровье подорвали.

– Егор знает об этом?

Пауза. Заметная.

– Знает. Бабушка рассказала. Вера Михайловна Соколова – ей сейчас восемьдесят пять, живёт здесь. – Семён Петрович снял очки, протёр тщательно. – В этом вся сложность с Егором, понимаете? Для него это не просто история. Это его дед, которого убили – мягко говоря, убили – за то, что хранил веру в прямом смысле. И теперь Егор должен продолжать? Рисковать снова?

– Сейчас не пятьдесят четвёртый год.

– Знаю. И он знает. Но страх не живёт по календарю. – Старик надел очки обратно. – Егор – педантичный, осторожный человек. Он не начнёт действовать, пока не будет уверен, что не навредит.

– Ему нужны доказательства, – поняла Анна. – Факты, а не устные предания.

– Именно. Документы, которые вы нашли – это уже что-то. Но ему нужно больше.

Анна обдумывала это, глядя на дождевые дорожки по стеклу.

– Хорошо. Что с Виноградовой?

Семён Петрович поморщился – едва заметно.

– Ольга Алексеевна – отдельная история. Её отец Алексей Дмитриевич умер в девяносто пятом. Перед смертью рассказал ей всё и взял обет молчания. Она молчит с тех пор – тридцать лет.

– Маша говорила, что она боится последствий. Что иконы могут уйти в областной музей.

– Она говорит именно это, – Семён Петрович сделал ударение на «говорит». – Но я думаю, что настоящая причина другая.

Анна ждала.

– Ольга выросла с пониманием, что она – хранитель. Это её идентичность. Тридцать лет она несёт тайну, как крест. Это стало частью того, кто она есть. Отдать тайну – значит перестать быть хранителем. Стать просто директором провинциального музея.

Анна почувствовала, как что-то щёлкнуло в голове. Не просто страх последствий – страх потерять смысл. Страх оказаться никем после того, как выполнишь миссию.

Это она понимала. Своя версия этого страха жила и в ней – что будет, если она перестанет быть лучшим реставратором в нише? Если отдаст мастерскую, уйдёт из профессии? Кем она будет тогда?

– Как к ней подойти? – спросила Анна.

– Не подходить с напором, – сказал Семён Петрович твёрдо. – Ольга – как лёд. Давишь – ломается с треском и уходит в оборону. Ждёшь – сама оттаивает.

– А ждать некогда.

– Знаю. – Он помолчал. – Кречет не будет ждать. Он крутится где-то рядом. Я видел его машину в городе неделю назад.

Анна поставила пустую чашку.

– Тогда нужно действовать раньше него.

Семён Петрович посмотрел на неё с неожиданной улыбкой – сдержанной, но тёплой.

– Вера говорила, что вы решительная. Я думал, она преувеличивает. Матери всегда преувеличивают достоинства своих детей.

– Она мне не мать. Тётя.

– Тётям тоже свойственно. – Он поднялся с кресла – медленно, опираясь на подлокотник. Подошёл к стеллажу, нашёл папку – ту самую, «Оккупация, материалы». Достал из неё листок и протянул Анне.

Это была схема. Рукой Семёна Петровича, но явно перерисованная с более старого источника – линии были несколько раз обведены, как будто уточнялись.

– Это план церкви. Той, что сейчас музей. – Он ткнул пальцем в схему. – Вот основной зал. Вот северный и южный приделы. Вот лестница в подвал. Мой отец прятал икону здесь – в нише под северным приделом. Точнее я не знаю.

– Вход через подвал?

– Да. Но ключ от подвала – у Ольги. – Он посмотрел на Анну. – Вы понимаете задачу.

– Нужно поговорить с Ольгой.

– Нужно убедить Ольгу. – Он вернулся в кресло. – Это разные вещи.

Анна сложила схему, убрала в сумку. Потом достала конверт с запиской тёти Веры и ключ – медный, с вензелем «В».

– Это ключ от подвала усадьбы Волконских, – сказала она. – Тётя нашла его у Владимира Владимировича перед его смертью. Икона там.

Семён Петрович смотрел на ключ. В его взгляде было что-то сложное – не просто интерес, не просто радость. Что-то похожее на то, как смотрят на могилу старого друга. С уважением. С долгом.

– Казанская, – сказал он тихо.

– Вы знаете, что это?

– Казанская Богоматерь. Семнадцатый век. – Он помолчал. – По преданию, Соколов говорил, что именно она спасла город в войну. Что немцы не пришли благодаря ей. – Тихий выдох. – Может, легенда. Но немцы правда не пришли.

В комнате стало очень тихо. Только дождь за окном – уже совсем тихий, почти закончившийся.

Анна убрала ключ в карман.

– Семён Петрович. Вы сказали «нужны все пятеро». Я, вы, Маша как представитель нейтральной стороны, Егор, Ольга. Как собрать их вместе?

– Маша – не представитель нейтральной стороны, – возразил он неожиданно. – Маша – Сорокина. Девичья фамилия её матери – Виноградова. Она двоюродная племянница Ольги.

Анна замерла.

– Что?

– Ольга об этом знает. Маша – нет. Вера говорила, что так лучше. – Он усмехнулся. – Ваша тётя была стратегом, как вы уже, наверное, поняли.

Анна медленно кивнула. Маша – Виноградова по крови. Шестая нить, связывающая всё воедино.

– Значит, их шестеро, – сказала она. – Включая меня.

– Семь, – поправил Семён Петрович. – Вера Михайловна Соколова ещё жива. Бабушка Егора. Восемьдесят пять лет, не выходит из дома. Но она – последний живой свидетель того, как всё начиналось. – Он посмотрел на Анну. – Думаю, вам стоит с ней познакомиться.

Когда Анна вернулась в библиотеку, книжный клуб уже расходился. Антонина Фёдоровна осталась последней – убирала чашки, складывала книги.

– Вы ходили к Семёну Петровичу? – спросила она, не оборачиваясь.

– Да, – осторожно ответила Анна. – Откуда вы знаете?

– У него единственный в городе дом с якорями у входа. Вы пришли из той стороны. – Антонина Фёдоровна обернулась. Взгляд у неё был неожиданно острым для своих семидесяти с лишним лет. – И у вас такое лицо, как было у Веры, когда она о чём-то важном думала.

Анна молчала. Антонина Фёдоровна поставила стопку чашек на стойку.

– Вы из Морозовых. Значит, вы знаете.

Это был не вопрос.

– Знаю, – осторожно подтвердила Анна.

– Хорошо. – Женщина взяла пальто с вешалки. – Значит, вы понимаете: нельзя торопить. Нельзя давить. Эти люди несут груз семьдесят лет. Для некоторых из них этот груз стал единственным, что их держит.

Она уходила к двери, но остановилась, обернулась.

– Вера верила в вас. А Вера разбиралась в людях. – Антонина Фёдоровна надела пальто. – Приходите на следующий клуб в четверг. Будем читать «Человека без лица» Андерссон. Вы умеете читать вслух – это важно. Голос у вас правильный.

Она ушла.

Анна осталась одна в пустом кафе.

Барсик вышел из подсобки, потёрся о её ногу – молча, без требований. Просто потёрся.

Анна опустила в кресло у окна. Достала из кармана ключ с вензелем «В». Положила на ладонь.

Семьдесят лет.

Семьдесят лет пять семей держали это. По-разному – кто из долга, кто из страха, кто из любви к прошлому, которое нельзя отпустить. Все по-своему. Но все – держали.

И теперь это в её руках.

Не потому, что она особенная. Не потому, что достойна. Просто потому, что тётя Вера решила: время пришло. И выбрала её.

«Помоги им решиться», – написала тётя в письме.

Анна сжала ключ в кулаке.

За окном дождь наконец закончился. Тучи расходились медленно, нехотя – как люди, которые давно засиделись в гостях. Сквозь просвет пробился луч – один, яркий, прямой. Лёг через весь зал, от окна до стеллажа с дореволюционными изданиями.

Анна смотрела на этот луч. Думала.

Сегодня вечером – звонок Маше. Рассказать не всё, но достаточно. Маша должна знать о Виноградовой – о том, что они родственницы. Это её право, независимо от того, что думала об этом тётя Вера.

Завтра – Егор. Документы, факты, схема Семёна Петровича. Его язык – доказательства. Значит, нужны доказательства.

Потом – Ольга. Это сложнее. Семён Петрович прав: давление не поможет. Нужно что-то другое. Что именно – она пока не знала. Но придёт. Придёт в нужный момент.

И Вера Михайловна Соколова. Восемьдесят пять лет, живой свидетель. Последняя нить к тому октябрю сорок первого года.

Анна встала, убрала ключ в карман. Подошла к стеллажу с дореволюционными изданиями – к той дальней части, которую она вчера не успела просмотреть до конца.

Там оставался один непроверенный том.

Небольшая книжица без надписи на корешке. Кожаный переплёт, истёртый до серого. Анна открыла – Псалтирь. Конец девятнадцатого века, церковнославянский текст. На форзаце: «Из библиотеки церкви Рождества Христова. Цветочное».

Между страницами пятидесятого псалма – конверт.

На конверте рукой тёти Веры: «Для Анны. Последнее».

Анна стояла, держа конверт в руках. Не вскрывала. Просто держала.

Это был последний подарок тёти. Последнее слово. После этого конверта тётиного голоса больше не будет – только её собственные решения, её собственный путь.

Она разрешила себе постоять так минуту.

Барсик пришёл, сел рядом, уставился на конверт янтарным взглядом.

– Знаю, – сказала ему Анна. – Надо открывать.

Она аккуратно вскрыла конверт.

Внутри – два листка. Первый – почерк тёти Веры, знакомый, угловатый:

«Анечка.

Если ты держишь это в руках – значит, ты уже много поняла. Умница. В тебя верила всегда.

Последнее, что тебе нужно знать: пятая икона – Казанская Богоматерь, XVII век. Самая старая из пяти. Волконский говорил: чудотворная. Может, так. Может, нет. Но именно её немцы не нашли. И это факт.

В усадьбе. Владимир Владимирович перед смертью написал мне координаты. Прикладываю.

Одна не справишься. Тебе нужны остальные. Не все из них готовы – ты уже поняла. Но они все устали нести это одни. Помоги им положить груз вместе.

Я не прошу тебя остаться в Цветочном. Я прошу тебя сделать это одно дело. Дальше – как решишь.

Люблю тебя.

Вера.

P.S. Ключ в жестяной чайной коробке. Ты его уже нашла, я уверена».

Анна улыбнулась сквозь слёзы. Да. Нашла.

Второй листок – старческий угловатый почерк:

«Белая Казанская – под левым приделом. Вход через подвал. Третья арка, девятая плита от западной стены. Плита с крестом и литерой «В». Нажми правый угол.

Береги её.

В.В.В., 1998»

Анна сложила оба листка в конверт, убрала в сумку. Постояла ещё секунду у стеллажа, касаясь рукой пустого места, где стояла Псалтирь.

– Спасибо, тётя, – тихо сказала она.

Ответа, разумеется, не было.

Только Барсик – коротко, решительно – мяукнул.

И этого было достаточно.

Вечером Анна позвонила Маше. Разговор длился почти час. Маша сначала слушала молча, потом охнула, когда Анна дошла до Виноградовой.

– Подождите, – перебила она. – Вы говорите, что моя мать – Виноградова по рождению?

– Двоюродная племянница Ольги. Семён Петрович уверен.

Долгое молчание.

– Я никогда не знала отца, – сказала наконец Маша. – Мама почти не говорила о своей семье. Говорила – поссорились давно, не общаемся. Я думала – обычная история. – Пауза. – Значит, Ольга Виноградова – моя тётя?

– Двоюродная.

– Господи. – Ещё пауза. – И Вера знала?

– Знала. Решила не говорить тебе раньше времени.

– Это... – голос Маши был сложным – обиженным и изумлённым одновременно. – Это типично для Веры, честно говоря. Она всегда думала, что лучше знает, когда что-то говорить.

– Обиделась на неё?

– Нет, – сказала Маша. Медленно, но уверенно. – Нет. Она делала как умела. Она всегда делала как умела.

Потом Маша спросила:

– Когда собираемся?

– Завтра вечером. Если Егор согласится.

– Егор согласится, – сказала Маша. – Я знаю, как с ним разговаривать.

– Как?

– Покормить сначала. А потом уже убеждать. Он всегда становится мягче после хорошей еды. – Пауза. – Это не клише. Это просто факт.

Анна засмеялась. Впервые за несколько дней – по-настоящему, не вежливо.

– Договорились, – сказала она. – Завтра.

Она положила трубку. Сидела в кресле у окна – тётином кресле, которое постепенно становилось её кресло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.